

На правах рукописи

Коваленко Анна Сергеевна

**ФИКЦИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Омск – 2025

Диссертация выполнена на кафедре конституционного и международного права Юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Научный руководитель:

Аничкин Евгений Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования
Российской Федерации,
директор Юридического института,
заведующий кафедрой конституционного и
международного права ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Ким Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор
кафедры государственного и
административного права Юридического
института ФГБОУ ВО «Кемеровский
государственный университет»

Приходько Татьяна Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения
национальной безопасности Института
государственного права и национальной
безопасности ФГБОУ ВО «Байкальский
государственный университет»

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится 20 июня 2025 года в 11:00 ч. на заседании диссертационного совета 24.2.351.01, созданного на базе ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», по адресу: 644090, г. Омск, ул. Фрунзе, 6, Главный корпус, ауд. 904, зал заседаний ученого совета юридического факультета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» и на официальном сайте: <http://www.omsu.ru/>

Автореферат разослан «___» _____ 2025 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент

И.В. Глазунова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Юридическая фикция – сложное и многогранное явление, история развития которого близка истории развития права по периодизации и продолжительности. Но осмысление «юридической фикции» в теории права, выявление особенностей ее реализации в отдельных отраслях права не привели к появлению единого научного мнения о природе этого правового явления.

Вместе с тем научные интересы современных ученых преимущественно сосредоточены на использовании юридических фикций в римском праве, уголовном и уголовно-процессуальном, гражданском и гражданско-процессуальном отраслях права, что в большинстве случаев объясняется детальностью правового регулирования соответствующих общественных отношений или спецификой процессуального законодательства.

Немаловажную роль в правовой жизни России играют конституционно-правовые фикции, представленные в одноимённой отрасли права. «Фикции в конституционном праве» – широкое понятие, включающее в себя, по нашему мнению, конституционно-правовые фикции, как особый вид юридической фикции, характерный для соответствующей отрасли права, и фиктивные нормы данной отрасли права.

Актуальность темы настоящего исследования связана с отсутствием комплексного изучения юридической фикции в конституционном праве России: ее особенностей, причин возникновения, видов и действия. Конструирование норм данной отрасли права с осознанным использованием юридических фикций имеет существенное практическое значение как для законодателя, так и для правоприменителя. Это обусловлено, во-первых, тем, что конституционное право определяет основы государственного устройства, задает институционально-нормативные векторы развития и правового регулирования в других отраслях права. Во-вторых, такая характерная черта фикций как инструментальность дает возможность с помощью данного приема юридической

техники совершенствовать конституционное законодательство, создавать конституционно-правовые нормы, восполняющие пробелы. В-третьих, правовая подвижность законодательства, регулирующего отдельные общественные отношения в сфере конституционного права, может служить индикатором их слабой фактической реализуемости, а значит недейственности соответствующих конституционно-правовых норм. В-четвертых, конституционные поправки 2020 г. требуют выработки доктринального подхода к новым понятиям, введенным в текст Основного Закона, осмысленного их раскрытия в нормативных правовых актах с целью минимизации возможностей придания им характера фиктивных. В частности, речь идет о понятиях «публичная власть» (ст. 71 Конституции РФ), «ответственное отношение граждан к своему здоровью», «условия для достойного воспитания детей» (ст. 72 Конституции РФ), «социальное партнерство», «экономическая, политическая и социальная солидарность» (ст. 75.1 Конституции РФ). В-пятых, выявление характерных случаев юридических фикций в конституционном праве позволяет выработать рекомендации по их использованию в нормативных правовых актах, а также минимизировать или устранить фиктивность конституционно-правовых норм.

Степень научной разработанности темы исследования.

В дореволюционный период о правовых фикциях велась речь в работах таких ученых как В.Ф. Асмус, К.С. Бакрадзе, Г.Ф. Дормидонтов, Н.М. Коркунов, Д.И. Мейер, С.А. Муромцев, А.И. Покровский, Г.Ф. Шершеневич.

В советской правовой науке термин «юридическая фикция» упоминался эпизодически и исключительно в качестве одного из приемов юридической техники (О.С. Иоффе, В.Б. Исаков, В.И. Каминская).

Всплеск интереса к понятию «юридическая фикция» возрождается в отечественной науке в конце прошлого столетия. Это связано, прежде всего, с изменением политико-правового режима в стране, становлением новой правовой культуры, изменением общественных отношений, вызывающих необходимость качественно иного правового регулирования.

О юридических фикциях в настоящее время написано несколько монографий (О.А. Кузнецова, О.В. Танимов, И.В. Филимонова), защищены диссертационные работы по исследованию данного правового явления в различных отраслях права. Изучению юридических фикций в рамках теории и истории права и государства посвящены научные работы Л.А. Душаковой, О.А. Зацепиной, О.А. Курсовой, П.М. Резинькова, Л.Р. Саркисян, О.В. Танимова, А.М. Ширвиндта, в гражданском праве – Е.А. Джазояна, в уголовном процессе – Х.А. Каландарашвили, в гражданском процессе – Е.А. Наховой, в уголовном праве – К.К. Панько, опубликованы научные статьи, посвященные изучению юридической фикции в конституционном праве (Е.С. Аничкин, О.Е. Зацепина, И.А. Исаев, Ю.В. Ким, Р.К. Лотфуллин, И.К. Лясковский, К.К. Панько, Д.А. Смирнов).

Перечисленный краткий перечень работ по исследованию юридических фикций позволяет сделать вывод о том, что общие теоретические вопросы этого правового явления в достаточной степени проработаны, сформировались различные подходы к природе правовой фикции, в некоторых работах выявлены общие и различные черты с другими правовыми явлениями (презумпцией, преюдицией). На сегодняшний день нет ни одного комплексного исследования, специально посвященного изучению конституционно-правовых фикций. Попытки выявить специфику и дать определение юридическим фикциям в конституционном праве предприняты Е.С. Аничкиным, Ю.В. Кимом, К.В. Карпенко, В.Н. Пяткиным.

Цель и задачи. Цель настоящей работы заключается в формировании нового теоретического знания о фикциях в современном конституционном праве России, а также разработке предложений по совершенствованию использования правовых фикций в нормативных правовых актах, являющихся источниками конституционного права. Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

– раскрыть природу юридической фикции и систематизировать основные подходы к ее пониманию;

– выявить особенности использования конституционно-правовых фикций в актах конституционного значения дореволюционного государственного права и советского государственного права;

– раскрыть отраслевые особенности конституционно-правовых фикций;

– классифицировать фикции в современном конституционном праве России;

– установить внеправовые и правовые причины появления юридических фикций в современном конституционном праве России;

– проанализировать характерные черты действия конституционно-правовых фикций в отдельных подотраслях и институтах современного конституционного права России;

– разработать пакет предложений по повышению эффективности использования юридических фикций в отдельных нормативных правовых актах конституционно-правовой направленности.

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в том, что автором комплексно исследуется понятие «конституционно-правовая фикция», определяются отраслевые особенности конституционно-правовых фикций в современном конституционном праве России, причины их возникновения, предлагается классификация конституционно-правовых фикций, выделяются особенности, характерные для отдельных подотраслей и институтов права. В рамках настоящей работы автором исследования были проанализированы основные подходы к природе «юридической фикции», за основу взят «двойственный подход», который, по мнению автора, наиболее близок к сущности конституционно-правовой фикции.

К новым научным результатам диссертационного исследования можно отнести положения и выводы о характерных чертах юридической фикции в отрасли конституционного права России, рекомендации по ее использованию при создании конституционно-правовых норм.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что:

– выявлено использование конституционно-правовых фикций в различных подотраслях и институтах конституционного права России;

– проведено различие между понятиями «фиктивность нормы права» и «конституционно-правовая фикция», определено их соотношение как частного и общего;

– раскрыта «двойственная» природа конституционно-правовой фикции, подтвержден тезис о том, что не каждая конституционная норма, содержащая конституционно-правовую фикцию, фиктивна, и не каждая фиктивная конституционная норма является проявлением конституционно-правовой фикции;

– сформулированы отличительные черты юридической фикции в современном конституционном праве России и выявлены общие черты с юридическими фикциями в других отраслях права;

– установлено активное использование конституционно-правовых фикций в источниках конституционного права, решениях Конституционного Суда РФ.

Практическая значимость исследования обоснована тем, что выводы и рекомендации автора могут быть использованы законодателем при разработке нормативных правовых актов и внесении в них изменений и дополнений, в том числе на уровне законодательства субъектов РФ. Результаты настоящего исследования могут быть учтены правоприменителем при принятии обоснованных и законных решений для понимания природы происхождения соответствующей правовой нормы, содержащей конституционно-правовую фикцию, в целях отграничения ее от иных схожих приемов юридической техники (презумпций, преюдиций и т.д.), предполагающих иные механизмы реализации (возможности опровержения, обжалования, доказывания). Итоги исследования могут быть использованы и при преподавании курсов «Теория государства и права», «Конституционное право России», «Избирательное право», «Юридическая техника».

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере основ конституционного строя, правового положения личности, федеративного устройства, организации и деятельности высших органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, местного

самоуправления, регулирование которых осуществляется с использованием конституционно-правовых фикций.

Предметом исследования являются нормы Конституции РФ и иные конституционно-правовые нормы, регулирующие основы конституционного строя, правового положения личности, федеративного устройства, организации и деятельности высших органов государственной власти РФ и субъектов РФ, местного самоуправления, соответствующие правовые позиции Конституционного Суда РФ, содержащие конституционно-правовые фикции, а также доктрина, посвященная фикциям в праве.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы познания – анализ и синтез, диалектический, сравнительный, системный, исторический, так и специальные юридические методы – формально-юридический, толкования правовых норм, сравнительно-правовой и метод системного анализа юридических явлений.

Системный метод применялся для исследования общего понятия «юридическая фикция», его особенностей в различных отраслях права, причин появления и способов проявления. Сравнительный метод позволил выявить специфические черты «юридической фикции» в отрасли конституционного права, сопоставить их со способами проявления других схожих приемов юридической техники (презумпция, преюдиция). С помощью системного метода были выявлены универсальные и специфические случаи проявления конституционно-правовой фикции в отдельных институтах конституционного права. Методы анализа и синтеза применялись при изучении особенностей конституционно-правовых фикций в данной отрасли права. В совокупности данные методы позволили также провести анализ положений Конституции Российской Федерации, федерального и регионального законодательства, а также актов Конституционного Суда Российской Федерации на предмет выявления конституционно-правовых фикций. Диалектический метод позволил установить историю развития данного правового явления и подходов к определению юридической фикции. Исторический метод применялся при исследовании

конституционно-правовых фикций в конституционном праве России дореволюционного и советского периодов.

Формально-юридический метод позволил отграничить конституционные нормы, содержащие конституционно-правовые фикции, от норм, в которых имеются пробелы или иные дефекты. С помощью метода толкования правовых норм удалось выявить правовые нормы, содержащие конституционно-правовые фикции, путем раскрытия их содержания в актах Конституционного Суда РФ. Сравнительно-правовой метод применялся при изучении проявления конституционно-правовых фикций в разных институтах конституционного права России с целью выявления особенностей их действия в каждом из них. Использование метода системного анализа позволило выбрать единый подход к исследуемому правовому феномену «юридической фикции», определить его место, роль и значение для конституционного права России.

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных ученых по теории государства и права, по государственному праву дореволюционного периода: Г.Ф. Дормидонтова, Н.М. Коркунова, Д.И. Мейера, С.И. Муромцева, советского периода: С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, А.Я. Вышинского, В.М. Горшенева, Б.П. Кравцова, Н.Я. Купринца, Р.О. Халфиной и современному конституционному праву: Е.С. Аничкина, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, С.А. Денисова, Н.М. Добрынина, С.А. Дробышевского, В.Д. Зорькина, В.Б. Исакова, И.А. Кравца, Ю.В. Кима, О.Е. Кутафина, Е.А. Лукьяновой, Р.К. Лотфуллина, М.Н. Марченко, С.А. Мосина, О.В. Танимова, В.Е. Чиркина, И.В. Филимоновой, Т.Я. Хабриевой и А.М. Ширвиндта.

Правовую основу исследования составили отдельные законы, действовавшие в дореволюционный и советский периоды, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, федеральные подзаконные нормативные правовые акты, законодательство субъектов Российской Федерации и муниципальные нормативные правовые акты.

Эмпирическую основу исследования составили постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, послания Президента Российской Федерации, решения Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции, доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и отчеты Счетной палаты Российской Федерации. Перечисленные материалы использовались при исследовании толкования конституционно-правовых норм, содержащих конституционно-правовую фикцию, а также для подтверждения эффективности или неэффективности реализации соответствующих норм.

Положения, выносимые на защиту. Положения, выносимые на защиту.

На защиту выносятся следующие положения, отражающие научную новизну исследования:

1. Конституционно-правовая фикция – это нормативное положение, содержащееся в источниках конституционного права, признающее заведомо несуществующее положение существующим и, наоборот, используемое законодателем в качестве приема юридической техники с целью эффективного регулирования общественных отношений, либо проявляющееся как индикатор недейственности правовой нормы в текущем законодательстве, в процессе официального толкования или правоприменения.

Конституционно-правовой фикции свойственен «двойственный» характер действия, поскольку может оказывать как негативный, так и положительный эффект. Негативный эффект имеет место в случаях недейственности и неэффективности правовой нормы. Положительный эффект достигается при оптимизации процессов правового регулирования общественных отношений, установлении дополнительных связей между нормами права, процессуальной экономии деятельности участников правотворческого, конституционного судебного и избирательного процессов.

2. Конституционно-правовые фикции действовали в актах конституционного значения дореволюционного периода преимущественно в нормах права, регулирующих права и свободы подданных Российской империи,

вопросы политического устройства государства. В источниках советского государственного права конституционно-правовые фикции использовались законодателем преимущественно как способ (прием) юридической техники и проявлялись в особых случаях фиктивности отдельных норм Конституций СССР и РСФСР (например, при регулировании вопросов гражданства). Это выражалось в отсутствии развития соответствующих норм Конституций СССР, РСФСР в нижестоящих по юридической силе нормативных актах по вопросам установления гарантий реализации отдельных прав и свобод граждан, ответственности должностных лиц.

Современный период отличается закреплением конституционно-правовых фикций в широком перечне нормативных актов, продуцированием в процессе официального толкования Конституции РФ и ее применения Конституционным Судом РФ.

3. Конституционно-правовые фикции имеют свои отраслевые особенности, позволяющие отличить их от этого явления в других отраслях права. К их числу могут быть отнесены:

- преимущественно политическая и идеологическая обусловленность, детерминированная природой самих конституционно-правовых отношений;

- особые проявления при фиктивности (недейственности) конституционной нормы, а именно: отсутствие конкретизации конституционно-правовых норм, чрезмерная детализация конституционно-правовых норм в нижестоящих по юридической силе нормативных актах, заведомая, изначальная нереализуемость конституционно-правовой нормы, обнаружение фиктивности конституционно-правовой нормы в процессе правоприменения;

- генерирование в процессе толкования и применения норм Основного Закона государства Конституционным Судом РФ, а также в результате их развития в текущем законодательстве конституционно-правовой направленности.

4. Причинами и условиями возникновения конституционно-правовых фикций и придания признаков фиктивности конституционно-правовой норме являются факторы внеправового и правового характера.

К факторам внеправового характера, вследствие которых могут возникать конституционно-правовые фикции, идентифицируемые через фиктивность нормы права, можно отнести низкий уровень правовой культуры органов публичной власти и населения, сознательное уклонение нормотворческих органов от реализации соответствующих норм Конституции РФ и основанного на них федерального законодательства, отсутствие необходимых социально-экономических и политических условий.

Факторами правового характера, вызывающими фиктивность конституционно-правовых норм, являются:

- существенное изменение некоторых конституционных принципов, норм Конституции РФ нормами текущего отраслевого законодательства путем расширения, ограничения или искажения их смысла;

- излишняя детализация нормативного правового акта, а равно большое количество и частое внесение изменений и дополнений;

- абстрактность сформулированных норм, допускающих различные варианты смыслового наполнения;

- наличие отсылочных норм и норм, допускающих делегирование полномочий;

- преобразованием норм Конституции РФ посредством их официального толкования Конституционным Судом РФ.

5. Многообразие видов конституционно-правовых фикций позволяет подразделить их на виды:

- в зависимости от институтов конституционного права – в основах конституционного строя, основных правах и свободах человека и гражданина, федеративном устройстве, основах организации и деятельности высших органов государственной власти, местном самоуправлении;

- по юридической силе – на конституционные и подконституционные;

– по назначению в механизме правового регулирования – на материальные, процессуальные и смешанные;

– по отношению к фактическим обстоятельствам – на положительные и отрицательные;

– по влиянию, оказываемому на нормы права, – на позитивные и негативные;

– по способу образования: на целенаправленно создаваемые в процессе нормотворчества или неосознанно в процессе правоприменения.

6. Конституционно-правовые фикции проявляются как в общеотраслевых случаях действия, так и специфических для соответствующего института конституционного права России. Универсальными случаями конституционно-правовых фикций для всех институтов конституционного права является их действие в широком перечне законодательных и подзаконных правовых актов, абстрактных правовых понятиях и принципах, при восполнении пробелов в праве и отсутствии дальнейшего развития норм конституционного права в нижестоящих по юридической силе актах.

Специфическими содержательными чертами конституционно-правовых фикций в отдельных институтах конституционного права России являются:

– в правовом регулировании основ конституционного строя – наполнение абстрактных конституционных принципов и понятий, некоторых норм Конституции РФ таким смысловым содержанием, которое приводит к ограничению или расширению их первоначального смысла;

– в правовом регулировании статуса личности – использование конституционно-правовых фикций в качестве способа (приема) юридической техники для признания обстоятельств существующими, приравнивания состояний;

– в правовом регулировании федеративного устройства – содержательное наполнение, отличное от первоначального некоторых положений Конституции РФ о федеративном государстве, равноправии субъектов РФ в текущем законодательстве;

– в правовом регулировании организации и деятельности высших органов государственной власти РФ – расширенное или ограниченное толкование соответствующих положений Конституции РФ Конституционным Судом РФ об участии и влиянии федеральных органов государственной власти на формирование и функционирование органов государственной власти субъектов РФ;

– в правовом регулировании основ местного самоуправления, принципов местного самоуправления – фактическое уточнение буквального смысла положений о местном самоуправлении как основы конституционного строя России в нижестоящих по силе юридических актах.

7. Использование конституционно-правовых фикций в законодательстве в качестве способа (приема) юридической техники предлагается с учетом следующих рекомендаций:

– применять их в целях повышения эффективности конституционно-правового регулирования, в том числе для восполнения пробелов в нем;

– использовать фикции, заимствованные из других отраслей права (например, «когда лицо считается судимым», «признание гражданина безвестно отсутствующим», «признание гражданина умершим», «цифровые права») с тем же смысловым объемом или установлением легальной смысловой корректировки с учетом специфики отрасли конституционного права;

– расширить применение конституционно-правовых фикций процессуального характера в правовом регулировании нормотворческого процесса и конституционного судебного процесса с целью процессуальной экономии, порядка рассмотрения органами власти обращений граждан (например, установить порядок признания решений принятыми (непринятыми) органами государственной власти и местного самоуправления по истечении определенного периода времени при фактическом нерассмотрении вопроса).

8. Проявление фиктивности отдельных норм Конституции РФ и иных источников конституционного права целесообразно минимизировать с целью нивелирования их негативного влияния путем:

наполнения адекватным нормам Конституции РФ смысловым содержанием норм нижестоящих по юридической силе источников конституционного права при раскрытии абстрактных понятий («демократия», «правовое государство», «социальное государство», «плюрализм», «многопартийность» и т.д.), регулирующих основы конституционного строя;

реvisions ограничений при реализации гражданами политических прав и свобод на предмет соразмерности потенциального посягательства на публичные интересы (избирательные права, право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование);

рассмотрения возможности установления критериев (периодичность, изменение экономических условий и иные) внесения изменений в федеральное законодательство, регулирующее передачу полномочий по предметам ведения Российской Федерации ее субъектам.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлена в рамках обсуждения на кафедре конституционного и международного права юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». Основные положения исследования отражены в 6 (шести) научных статьях автора общим объемом 4,3 п.л., из которых 4 (четыре) опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Отдельные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, были представлены на научно-практической конференции, приуроченной к 25-летию принятия Конституции РФ: «Конституция Российской Федерации: декларации и реалии», г. Барнаул, 2018 г.; Международной научно-практической конференции «Россия и страны Центральной Азии в условиях развития международной правовой интеграции», г. Барнаул, 2020 г.; Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти Заслуженного юриста РФ, д.ю.н., профессора В.В. Невинского «Российское конституционное

право в условиях глобальных вызовов современности», г. Барнаул, 2021 г.; Международной научно-практической конференции «Фронтиры правового развития в XXI веке: проблемы и решения», г. Барнаул, 2024 г.

Выводы исследовательской работы по теме диссертации нашли применение автором при осуществлении профессиональной деятельности в ходе защиты избирательных прав граждан в судах общей юрисдикции.

Степень достоверности проведенного теоретико-правового исследования конституционно-правовых фикций в современном конституционном праве России, рекомендации по созданию правовых норм с применением юридических фикций в конституционном праве основаны на научных взглядах представителей конституционно-правовой доктрины, положениях федерального и регионального законодательства, правовых позициях Конституционного Суда РФ, практике судов общей юрисдикции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** к диссертационному исследованию обосновывается выбор темы, раскрываются актуальность и степень ее разработанности, определяются объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи, приводится методологическая основа исследования, а также представлена научная новизна, степень достоверности и апробации результатов проведенного исследования.

Первая глава **«Теоретико-правовые аспекты юридической фикции»** состоит из двух параграфов, посвященных сущности и эволюции понятия «юридическая фикция», основным подходам, представленным в научной литературе, к природе исследуемого правового явления.

В первом параграфе **«Сущность и эволюция понимания юридической фикции»** раскрывается содержание понятия «юридическая фикция», представлен ретроспективный обзор развития подходов к пониманию сущности данного правового явления.

Автором выявлено, что «юридическая фикция» имеет длительную историю существования в праве, отсчет которой восходит к праву Древнего Рима, когда юридическая фикция использовалась как средство юридической техники. В Новое время возникла теория Савиньи о юридических лицах, Г. Демелиусом фикция рассматривалась как продукт исторического развития принципа *simulata pro veritate habentur* («должно приниматься за правду»).

В отечественной науке дореволюционного периода учеными Г.Ф. Дормидонтовым, Д.И. Мейером была предложена их классификация, описаны роль и значение для права.

В советский период фикция понималась только как прием законотворческой техники, в научной литературе анализировалась фрагментарно. Об этом явлении упоминали в своих работах в разных аспектах С.С. Алексеев, М.Л. Давыдова, И.М. Зайцев, О.С. Иоффе, В.Б. Исаков, В.И. Каминская, О.А. Красавчиков, О.А. Кузнецова, В.А. Ойгензихт и другие.

Постсоветский период развития права характеризуется разнообразием научных исследований юридической фикции в различных отраслях права (гражданском, уголовном, уголовно-процессуальном, гражданском процессуальном и т.д.).

Автором отмечается наличие достижений отдельных отраслей права по изучению понятия «юридической фикции», выявлению ее позитивного и негативного влияния на развитие права. Вместе с тем представленные научные взгляды относительно сущности юридической фикции, ее значения и роли в праве до сих пор не привели к появлению единого доктринального подхода.

Второй параграф **«Природа юридической фикции: основные подходы»** посвящен рассмотрению и систематизации основных подходов к природе юридической фикции, представленных в современной отечественной научной литературе, ее значению и роли в целом для правового регулирования. В рамках настоящего параграфа автором определяется наиболее оптимальный подход для исследования конституционно-правовой фикции.

Автором приводятся дефиниции понятия «юридическая фикция» в рамках пяти основных подходов к пониманию ее природы: классическом (традиционном, узком), «двойственном», «нормативном», «презумптивном» (презумпционном) и «расширенном».

Классический (традиционный, узкий) подход определяет юридическую фикцию как особый прием юридической техники, признающей существующее несуществующим и, наоборот, закрепленный в нормативных правовых актах и осознанно применяемый. Автором делается вывод об оставлении за рамками данного подхода вопроса об иных проявлениях юридической фикции в нормативных правовых актах, не связанных с ее осознанным применением.

Для «двойственного» подхода характерно рассмотрение фикции в праве в двух ипостасях: фикции – имманентные закону, содержащиеся в правовых нормах, и фикции – антиподы закона, вскрывающие противоречия или степень несоответствия между общественными отношениями как содержанием и правом как формой их опосредствования. Автор приходит к выводу, что фикция в праве не может рассматриваться только в качестве приема (способа) юридической техники. Полагает, что нормативное положение, в том числе содержащее правовую фикцию, может приобретать характер фиктивной нормы. Фиктивность правовой нормы, по утверждению автора, необходимо рассматривать как одно из проявлений юридической фикции, обусловленное причинами правового и внеправового характера. При этом фиктивную правовую норму, содержащую юридическую фикцию, необходимо отграничивать от фиктивного, негативного явления, лежащего вне правового поля.

В рамках «нормативного» подхода юридическая фикция рассматривается как особая норма права, имеющая нетипичную структуру и выполняющая вспомогательную функцию по усовершенствованию правового материала. Представленный подход критически оценивается автором, так как облечь правовую фикцию, систематизировать как норму права не представляется возможным, поскольку даже иногда, обладая некоторыми признаками нормы

права как по внутреннему содержанию, так и по структуре, они выполняют различные функции, чем и определяют свою нетипичность.

«Презумптивный (презумпционный)» подход воспринимает юридическую фикцию наравне с презумпцией, определяя их общее основание происхождения – предположение о фактах, которые могут не соответствовать действительности, с некоторыми отличительными чертами. В рамках исследования выделяются существенные различия этих двух правовых категорий, во-первых, в зависимости от возможности опровержения, во-вторых, в зависимости от способа образования.

«Расширенный» подход связан с рассмотрением юридической фикции в правотворческой и правоприменительной деятельности, указывается о ее проявлении в разнообразных правовых технологиях, в том числе и негативных, «теневых».

В качестве основного подхода для исследования юридических фикций в конституционном праве России определен «двойственный подход», сочетающий в себе элементы классического и «расширенного» подходов.

Вторая глава **«Юридические фикции в отечественном конституционном праве: развитие, особенности, виды»** содержит три параграфа, в которых выявлено действие конституционно-правовых фикций в актах конституционного значения дореволюционного государственного права и советского государственного права, раскрыты отраслевые особенности конституционно-правовых фикций и представлена их классификация.

Первый параграф **«Фикции в конституционном праве России: дореволюционный и советский периоды»** посвящен исследованию и обобщению особенностей действия конституционно-правовых фикций в источниках государственного права России дореволюционного и советского периодов.

Автором указываются акты конституционного значения дореволюционного периода, в которых проявлялись конституционно-правовые фикции. Например, фиктивный характер приобрел законодательно закрепленный принцип

осуществления законодательной власти Государем Императором в единстве с законосовещательными органами Российской Империи в связи с фактическим соотношением юридической силы законов и указов монарха, который был наделен несомненным правом издавать указы, содержащие законодательные установления, без учета мнений Государственного Совета и Государственной Думы.

Конституционно-правовые фикции в источниках дореволюционного права связаны с установлением и признанием обстоятельств существующими, в части нормативного закрепления конституционных принципов политического устройства государства, прав и свобод подданных.

Советский период государственного права, несмотря на официальную позицию в правовой доктрине о непризнании юридической фикции, все же не был лишен их проявления в нормативных правовых актах. Конституционно-правовые фикции в этот период проявлялись в следующем:

– вопросы правового регулирования федеративного устройства государства в виде несовместимости норм Конституции СССР о федеративном устройстве государства с иными нормами Конституции СССР и правовыми положениями, устанавливающим и развивающим основы унитарного государства.

Индикатором проявления данной конституционно-правовой фикции являлись положения Конституции СССР 1924 (статья 4), Конституции СССР 1936 года (статья 17), Конституции СССР 1977 года (статья 72) о праве на свободный выход республик из союзного государства, которые в действительности вряд ли могли быть реализованы в виду выстроенной вертикали системы органов государственной власти, финансовой зависимости республик от центра.

– вопросы регулирования правового статуса личности: ограничение действительного смысла конституционных принципов, отсутствие механизмов реализации прав и свобод человека и гражданина, реализация прав и свобод человека и гражданина в зависимости от воли правоприменителя.

Идеология особых прав человека трудящегося, заложенная, например, в статьях 3 (п. «ж»), 7, 10, 15, 16, 17 и 19 Конституции РСФСР 1918 года, вместе с тем по усмотрению правоприменителя могла быть и ограничена на основании статьи 23 Конституции РСФСР 1918 г.

Конституционно-правовые фикции в советском государственном праве периода позднего социализма содержались в нормах Конституции СССР 1977 года, регулирующих вопросы организации политической системы, гражданства СССР, правового статуса личности. К таковым автор относит взаимосвязанные содержания статей 6, 9 и 51 Конституции СССР, когда нормированная независимость общественных организаций, право на формирование и выработку альтернативных мнений и взглядов по различным вопросам общественной жизни, фактически становятся претворением в жизнь позиций и идей политики Коммунистической партии, ячейки которой на законных основаниях существует во всех общественных организациях.

Конституционно-правовые нормы в целом периода советского государственного права являются наиболее ярким примером обусловленности появления правовых фикций политическими причинами.

Второй параграф **«Особенности фикций в современном конституционном праве России»** раскрывает характерные черты правовых фикций в современном конституционном праве.

Автор на основе анализа научной литературы, законодательной базы и позиций Конституционного Суда РФ выделяет ряд особенностей конституционно-правовой фикции:

1. Конституционно-правовые нормы, содержащие фикции, призваны обеспечить реализацию конституционных принципов, закрепить основные черты институционально-нормативной модели государства. Абстрактные правовые явления, понятия и принципы, признаки которых прямо не закреплены в нормативных правовых актах, являются сферой действия конституционно-правовых фикций.

2. Отражение конституционно-правовых фикций в широком перечне нормативных правовых актов разной юридической силы – Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, решения Конституционного Суда РФ, законы субъектов РФ, что обуславливается их функциями и разноуровневой ролью. Эту особенность выделял и Е.С. Аничкин.

3. Конституционно-правовые фикции являются одним из способов преодоления пробелов в конституционном праве, нетипичным правовым явлением, способствующим связи элементов общественных отношений. В качестве одного из примеров автор ссылается на положение части 4 статьи 105 Конституции РФ, согласно которой федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты либо если в течение четырнадцати дней он не был рассмотрен Советом Федерации. Приведенная норма устраняет неопределенность в законодательном процессе в отношении ситуаций, когда Совет Федерации не рассмотрел федеральные законы в целях обеспечения непрерывности работы Федерального Собрания в целом.

4. Мотивами легитимации юридической фикции в нормах конституционного права становятся, прежде всего, причины внеправового (политического, идеологического) характера.

Среди иных причин внеправового характера, обуславливающих появление юридических фикций, автором называются следующие: низкий уровень правовой культуры представителей органов власти и населения, сознательное уклонение законодателя от реализации соответствующих норм Конституции РФ, федерального законодательства, отсутствие необходимых социально-экономических и политических условий. В подтверждение указанного вывода автор ссылается на правовое регулирование реализации принципа многопартийности, нормативно установленного требования о поддержке выдвижения кандидата на должность высшего должностного лица субъекта РФ депутатами представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований

субъекта РФ как необходимом условии регистрации кандидата на соответствующих выборах, конституционную обязанность органов местного самоуправления обеспечить в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи.

5. Специфические проявления конституционно-правовой фикции, свидетельствующие о фиктивности конституционно-правовой нормы в виде ситуаций:

– отсутствие конкретизации конституционно-правовых норм, когда конституционно-правовые нормы не получают должного развития в других нормативных правовых актах либо в связи с отсутствием необходимого механизма реализации и защиты, финансовых ресурсов, организационных структур (ч. 5 ст. 66 Конституции РФ, предусматривающей принятие федерального конституционного закона об изменении статуса субъекта Российской Федерации, ч. 2 ст. 135 Конституции РФ о необходимости принятия федерального конституционного закона о Конституционном Собрании);

– чрезмерная конкретизация, детализация конституционно-правовых норм в нижестоящих по силе юридических актах, что приводит к проблемам правоприменения и правопользования. Так, например, в Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» изменения и дополнения как концептуального, так и юридико-технического характера вносились сто три раза;

– «преобразование» конституционно-правовых норм именно такие, которые приводят к расширению, ограничению, или искажению действительного смыслового объема нормы, ее фактического дополнения, в том числе в результате уточнения буквального смысла;

– заведомая, изначальная нереализуемость конституционно-правовой нормы. Нереализуемыми называются нормы о самостоятельности местного самоуправления и отделении от государственной власти (ст. 10 Конституции РФ), об отрешении Президента РФ от должности (ст. 93 Конституции РФ);

– обнаружение фиктивности конституционно-правовой нормы в процессе правоприменения. Подобным образом проявления фиктивности, по мнению автора, до 01.01.2023 года была норма об избирательных комиссиях муниципальных образований, которые были упразднены. По сути, правильная и выверенная идея о независимости избирательной комиссии муниципального образования, организующей муниципальные выборы и референдумы, не была широко реализована на практике, скорее, по причинам внеправового характера, что в итоге привело к их упразднению.

6. Правовые причины появления конституционно-правовых фикций, к которым автор причисляет эффективность и целесообразность правовых норм, преобразование действующей нормы Конституции РФ текущим законодательством или решениями Конституционного Суда РФ, отсутствие взаимосвязанного правового регулирования правильной конституционно-правовой идеи в других отраслях права, излишней детализированности нормативного правового акта, или большое количество изменений и дополнений.

В рамках настоящего параграфа автор исследует влияние конституционно-правовых фикций на развитие конституционного законодательства и отмечает, что их осознанное введение законодателем должно способствовать его совершенствованию, сокращению разрыва между должным и сущим.

Третий параграф **«Виды фикций в современном конституционном праве России»** содержит авторское определение конституционно-правовой фикции, классификацию конституционно-правовых фикций, основанной на классификации, предложенной Е.С. Аничкиным, дополненную видами по способу образования и влиянию оказываемому на нормы права.

Конституционно-правовые фикции подразделяются:

1. В зависимости от институтов конституционного права: в основах конституционного строя, основных правах и свободах человека и гражданина, регулировании федеративного устройства, основ организации и деятельности высших органов государственной власти и местного самоуправления.

2. По юридической силе: конституционные, то есть содержащиеся в тексте Конституции РФ, и подконституционные, соответственно, находящиеся в иных нормативных правовых актах. К конституционным фикциям автор относит положение ч. 6 ст. 75 Конституции РФ, согласно которой государство взяло на себя обязательство по индексации пенсий не реже одного раза в год. В действительности же индексация не производится пенсионерам, осуществляющим работу и (или) иную деятельность.

Подконституционная фикция, наблюдается, например, в части 4 статьи 4 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», допускающей участие федеральных органов государственной власти в формировании органов исполнительной власти субъекта РФ, осуществляющих полномочия как по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, так и по предметам ведения субъектов РФ.

3. По назначению в механизме правового регулирования на материальные, процессуальные и смешанные (сочетающие в себе элементы материальной и процессуальной фикций). Материальные конституционно-правовые фикции проявляются в фактах, состояниях, например, понятие «политическая и экономическая солидарность», процессуальные фикции закрепляют процедурный порядок применения конституционно-правовых норм, например, ч. 3 ст. 93 Конституции РФ.

4. По отношению к фактическим обстоятельствам на положительные, признающие существующими несуществующие обстоятельства, и отрицательные, не признающие реально существующие обстоятельства существующими. К положительным конституционно-правовым фикциям автор относит, например, положение части 2 статьи 68 Конституции РФ о праве республик устанавливать свои государственные языки, подрывающее принцип равноправия субъектов РФ.

К отрицательным – положение части 1 статьи 11 Конституции РФ о том, что государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума),

Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Кроме указанных органов государственно-властными полномочиями наделены прокуратура РФ, избирательные комиссии и банковско-финансовые органы.

5. По влиянию, оказываемому на нормы права, выделяет позитивные и негативные фикции. Позитивные фикции, способствующие развитию общественных отношений, и негативные правовые нормы в значении фикции – антипода закона, к которым можно отнести фиктивные правовые нормы, фиктивные правоотношения.

6. По способу образования: целенаправленно в процессе нормотворчества, или неосознанно в процессе правоприменения. Автором приводятся следующие специфические проявления, когда правовая норма приобретает признаки фиктивности в процессе правоприменения: при ограничении ее действительного смысла, при расширении действительного смыслового объема правовой нормы путем ее дополнения, уточнения, при утрате первоначального смысла правовой нормы, путем заполнения пробелов в Конституции РФ, и как следствие, фактическое установление новых конституционных норм, новых правовых понятий, правил поведения в отсутствие соответствующих норм Конституции РФ.

В настоящем параграфе представлено авторское определение конституционно-правовой фикции – нормативное положение, содержащееся в источниках конституционного права, признающее заведомо несуществующее положение существующим и, наоборот, используемое законодателем в качестве приема юридической техники с целью эффективного регулирования общественных отношений, либо проявляющееся как индикатор недейственности правовой нормы в текущем законодательстве, в процессе официального толкования или правоприменения.

Третья глава «**Фикции в основных институтах конституционного права Российской Федерации**» содержит пять параграфов, в которых анализируются характерные черты действия конституционно-правовых фикций в отдельных подотраслях и институтах современного конституционного права России,

выявляются их отличительные особенности по результатам анализа текущего законодательства, позиций Конституционного Суда РФ и правоприменительной практики.

Параграф **«Фикции в нормах, устанавливающих основы конституционного строя России»** обосновывает авторскую позицию относительно особенностей действия правовых фикций в основах конституционного строя России. Среди причин их появления в исследуемом институте конституционного права автор указывает причинно-следственный характер от интерпретации абстрактного понятия или принципа, абстрактно сформулированной конституционно-правовой идеи, правовое наполнение которых происходит в зависимости от доминирования той или иной политико-идеологической концепции, придание фиктивного характера норме Конституции РФ текущим законодательством, невозможность применения нормы на практике, неоправданность конституционно-правовой идеи.

Фикции в правовом регулировании основ конституционного строя отличаются:

1. Сферой действия, которая представляет собой преимущественно абстрактные правовые понятия и принципы. Такие как «демократическое государство», «суверенитет», «народовластие», «социальное государство», «правовое государство», принцип разделения властей, равноправие субъектов федерации и другие.

Данная особенность подтверждается автором, например, через раскрытие реализации принципа народовластия в текущем законодательстве по вопросу проведения всероссийского референдума. Автором с учетом позиций Конституционного Суда РФ сделан вывод о том, что право на референдум РФ является, возможно, самым нереализуемым положением Конституции РФ ввиду забюрократизированности, сложности и излишней детализированности процесса инициирования и проведения.

2. Скрытым характером, поскольку формально текст нормативного правового акта остается неизменным. Они вызывают деформацию

первоначального смысла нормы Конституции РФ, в результате чего придают им несколько фиктивный характер, что, однако, не всегда приводит к негативному эффекту.

Данная особенность продемонстрирована автором на примере ч. 2 ст. 5 Конституции РФ, приравнивающей понятия «республика» и «государство» в отношении субъектов РФ. Конституционным Судом РФ выявлен смысл данной нормы, согласно которому, республики как субъекты РФ не имеют статуса суверенного государства и решить этот вопрос иначе в своих конституциях они не могут.

Иные случаи действия конституционно-правовых фикций, подтверждающих данную особенность, связаны с наличием отдельных признаков фиктивности принципа автономности ветвей государственной власти.

3. Выраженной политической или идеологической окраской. Автором приводится обоснование существенного дефекта логики конституционно-правового регулирования создания и деятельности политических партий, выразившегося в том, что для регистрации федеральной партии необходимо пятьсот человек, а для регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации – двести тысяч подписей избирателей.

По итогам исследования особенностей фикций в основах конституционного строя автором сделаны следующие заключения, во-первых, они проявляются преимущественно в абстрактных правовых понятиях и принципах, что является закономерным процессом, в силу специфики регулируемых отношений в сфере конституционного уклада государства, во-вторых, выполняют важную роль, признавая существующими обстоятельства не соответствующие действительности, определяя вектор развития правового регулирования.

Второй параграф **«Фикции в правовом регулировании основ правового статуса личности»** посвящен особенностям действия конституционно-правовых фикций в правовом регулировании правового статуса личности, выявленных на примере отдельных конституционных прав человека и гражданина.

В их числе автор указывает следующие:

1. Ограничение реализации некоторых конституционных прав граждан путем установления дополнительных требований и препятствий, существенно искажающих первоначальный смысл соответствующего конституционного принципа.

2. Слабую реализуемость некоторых обязанностей государства по обеспечению осуществления конституционных прав граждан. Например, несвоевременное обеспечение жильем малоимущих и нуждающихся граждан (ч. 3 ст. 40 Конституции РФ) по причинам внеправового характера, – возложение этой обязанности на органы местного самоуправления, к компетенции которых это изначально не относилось, по обеспечению детей-сирот жильем на государственные органы субъектов РФ.

3. Установление дополнительных гарантий по обеспечению конституционных обязанностей государства в части социального обеспечения, создания условий надлежащей защиты прав и законных интересов работников в трудовых отношениях. В частности, по вопросам индексирования пенсий, социальных пособий, минимального размера оплаты труда не ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации.

4. Признание обстоятельств существующими с целью сокращения бюрократических процедур при приеме в гражданство России. Например, при признании ребенка гражданином РФ в случае, когда ребенок, который находится на территории России и родители которого неизвестны, если в течение шести месяцев со дня его обнаружения не будет установлено, что он имеет гражданство РФ или гражданство (подданство) иностранного государства.

5. Установление состояний, обстоятельств и фактов в целях гарантии реализации гражданами активного избирательного права при определенных условиях. В частности, речь идет об установлении дополнительных форм голосования (досрочное голосование), предоставления возможности

проголосовать на выборах гражданам РФ, проживающим за пределами территории Российской Федерации.

Третий параграф «**Фикции в правовом регулировании федеративного устройства**» включает исследование особенностей конституционно-правовых фикций в правовом регулировании федеративного устройства, автором выделены следующие их проявления.

1. Отступление от установленного Конституцией РФ (статья 5) принципа равноправия субъектов РФ в вопросах правового регулирования:

– установленной на уровне Конституции РФ возможности принятия отдельного закона об автономном округе, автономной области;

– разграничения полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти различных типов РФ (области и автономного округа). Так, большая часть полномочий по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» отнесена к компетенции именно органов государственной власти области;

– установление порядка избрания высших должностных лиц различных типов субъектов РФ (области и автономного округа). В качестве иллюстрации данного проявления конституционно-правовой фикции автором приводится ссылка на Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», согласно положениям которого региональные отделения политических партий, действующих на территории автономных округов, вносят предложения по кандидатурам для наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ не напрямую Президенту РФ, как в отношении других субъектов РФ, а через губернатора области. Такое положение о двуступенчатой системе представления кандидатур через губернатора области указывает на приоритет органов государственной власти области над автономным округом.

2. При введении новых форм административно-территориальных образований, таких как «федеральный округ», «федеральная территория», и их

влиянии на федеративное устройство государства, соотношении с субъектами РФ. Автором приводятся критические позиции, высказанные в научной литературе о новой форме государственного образования – «федеральном округе», не предусмотренной Конституцией РФ.

Данное проявление конституционно-правовой фикции с учетом детального анализа законодательства нельзя рассматривать исключительно с негативной стороны. Автор приходит к выводу, что «федеральные округа» выполняют своего рода связующую функцию между федерацией и субъектами РФ.

3. В установлении особого статуса Агинского Бурятского округа в составе Забайкальского края, что связано, по мнению автора, с решением политических задач, сохранением культурных и исторических традиций. Такой вывод сделан на основании положений Федерального конституционного закона от 21.07.2007 № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа».

4. При разграничении предметов совместного ведения РФ и субъектов РФ, которое сегодня происходит в сосредоточении компетенции на уровне федерации, сокращении самостоятельности регионов в правовом регулировании вопросов по предметам совместного ведения. Осуществление государственной власти субъектами РФ по всем иным вопросам, за рамками предметов совместного и исключительного ведения по остаточному принципу свидетельствует о централизации компетенции на федеральном уровне, что указывает на конституционно-правовую фикцию в правовой самостоятельности субъектов РФ.

В четвертом параграфе **«Фикции в правовом регулировании организации и деятельности высших органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации»** на основании исследования нормативных правовых актов, правовых позиций Конституционного Суда РФ и с учетом выявленных характерных черт конституционно-правовой фикции в целом проанализированы и выделены

особенности конституционно-правовых фикций в исследуемой группе правоотношений.

Автор приходит к выводу, что они отличаются большим количеством расплывчатых по смыслу формулировок, дающих возможность содержательного наполнения в соответствии с решаемой в текущий момент задачей административного характера, например, введение в конституционную практику России института «скрытых (подразумеваемых)» полномочий Президента РФ.

Конституционно-правовые фикции проявляются также через несоответствие системы сдержек и противовесов принципу разделения властей, самостоятельности высших федеральных органов государственной власти, в связи с усилением роли исполнительной власти, сосредоточением в данной сфере правового регулирования достаточного количества процессуальных фикций, касающихся законотворческого, избирательного и конституционного судебного процессов.

Автор приходит к выводу, что смещение центра принятия решений по многим направлениям государственной политики в сторону Президента РФ может порой придавать характер фиктивности некоторым институтам демократии (порядок формирования Совета Федерации, избрание высших должностных лиц субъектов РФ).

В пятом параграфе **«Фикции в нормах, определяющих основы местного самоуправления»** представлен анализ проявления конституционно-правовых фикций в основах правового регулирования местного самоуправления. Анализу подвергаются соответствующие положения Конституции РФ, отраслевого законодательства и позиции Конституционного Суда РФ. Так, сферой действия конституционно-правовых фикций являются самостоятельность местного самоуправления в определении структуры органов местного самоуправления населением, абстрактные правовые явления и понятия, содержательное наполнение которых не конкретизировано текущим законодательством, например, понятие «публичные функции, выполняемые органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти».

Установлено действие конституционно-правовых фикций в отдельных институтах муниципального права: удаление главы муниципального образования в отставку представительным органом, самороспуск представительного органа муниципального образования, преобразование муниципального образования в части учета мнения населения по данному вопросу, самостоятельности населения в решении вопросов местного значения.

Автор по результатам исследования резюмирует, что преимущественное возникновение конституционно-правовых фикций в регулировании основ местного самоуправления происходит в искажении подлинного смысла принципов местного самоуправления в нижестоящих по силе юридических актах, в результате фактического уточнения их буквального смысла.

В заключении диссертационного исследования подводятся итоги проделанной работы, сформулированы выводы и предложения согласно положениям, выносимым на защиту.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Коваленко А.С. Фикции в современном конституционном праве России: причины и виды// Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2023. – Том 2. – С. 14-25 (1 п.л.).

2. Коваленко А.С. Юридические фикции в основах конституционного строя России// Вестник экономики, права и социологии.–2024.–№1.– С. 151–157 (0,7 п.л.).

3. Коваленко А.С. Конституционно-правовая фикция как способ юридической техники// Право и практика. – 2024. – № 1.– С. 55–60 (0,9 п.л.).

4. Коваленко А.С. Конституционно-правовые фикции в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Образование и право. – 2024. – № 3.– С. 206 –213 (0,6 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

5. Аничкин Е.С., Коваленко А.С. Юридические фикции в конституционно-правовом регулировании избирательных отношений // Правовая мысль в образовании, науке и практике. – 2018. – № 3(7). – С. 7–11 (0,6 п.л. /0,4 п.л.).

6. Коваленко А.С. О необходимости совершенствования правового регулирования отдельных видов избирательных отношений// Российско-азиатский правовой журнал. –2023. – №1. – С. 11–17. (0,7 п. л.).